

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 327.5+327.8

М. М. Кухтин

(к. полит. наук, доцент)

Донецкий государственный университет
(г. Донецк, Донецкая Народная Республика, РФ)

Email: mikhail-kukhtin@yandex.ru

БОЛЬШИЕ ЦИКЛЫ РОССИЙСКО-НЕМЕЦКИХ ОТНОШЕНИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Аннотация. В статье современные российско-немецкие отношения рассматриваются в контексте больших исторических циклов, через которые прошли обе страны. Делается вывод, что, хотя текущая ситуация обладает рядом уникальных черт и знаменует собой глубинные геостратегические сдвиги, ее структурные противоречия допускают положительную динамику в среднесрочной перспективе. В эпоху глобализации каждое отдельное звено европейской политической архитектуры влияет на постановку и решение всемирно-исторических вопросов, что в итоге делает сотрудничество Москвы и Берлина безальтернативным, хотя многие его ключевые предпосылки в последние годы были целенаправленно разрушены коллективным Западом. С методологической точки зрения весьма продуктивным оказалось выделение нескольких уровней исторического времени, поскольку оно позволяет исследователю абстрагироваться от конъюнктурных соображений и дает ему новые возможности для верификации предлагаемых моделей. Соответственно, имеет смысл по-новому поставить вопрос о переносе методов исторических наук в политические исследования.

Ключевые слова: Россия, Германия, украинский кризис, глобализация, историческое время.

В последние два года было опубликовано немало комментариев о текущем состоянии российско-немецких отношений. Большинство из них имели полемический и пессимистический характер, что неудивительно, если учесть роль Германии в украинском кризисе в целом и ее отношение к Специальной военной операции в частности. Аналитики почти единодушно предсказывают дальнейшую деградацию форматов взаимодействия и даже не исключают появления еще одного очага военной напряженности в «междуморье». Однако категоричные выводы могут быть здесь до известной степени оправданы только в свете задач краткосрочного политического прогнозирования. История же учит, что, например, события Семилетней войны не помешали созданию Священного союза, но и Союз трех императоров не смог предотвратить Первую мировую войну. Соответственно, выглядит вполне

естественной постановка вопроса о «больших циклах» российско-немецких отношений, в которых закономерно сменяются периоды сближения и охлаждения, сотрудничества и конфронтации. Методологию таких исследований в большой мере уже разработал Ф. Бродель, выделивший три уровня исторического континуума. Полезными могут оказаться и некоторые идеи С. Б. Переслегина (фазы развития, вероятностная история). Непосредственно к российско-немецким отношениям модель «больших циклов» применял отечественный исследователь А. В. Фененко. Заявленная тема представляется весьма актуальной как с теоретической точки зрения, так и в свете геополитических вызовов, связанных с текущим кризисом европейской архитектуры безопасности. Неолиберальная глобализация породила целый ряд международных кризисов, которые, парадоксальным образом, и предопределяют дальнейший рост напряженности между заинтересованными странами, и все настоятельнее требуют их совместных усилий для решения назревших проблем.

Объектом исследования являются текущие российско-немецкие отношения, предметом – долгосрочная логика их развития, практически иммунная к воздействию политической и экономической конъюнктуры. Хронологические рамки статьи охватывают 2022-2023 гг., с необходимыми экскурсами в историю двусторонних отношений, географические – европейский континент. Методология исследования основана на структурном подходе и материалистическом понимании истории. Общенаучный принцип историзма должен быть дополнен тезисом о единстве исторического и логического. Актуальное состояние объекта не сводится к его генезису, но остается непонятным вне контекста последнего. Реалии «европейского концерта» нельзя механически переносить на текущую политическую архитектуру региона, однако далеко не все ее элементы можно убедительно объяснить без изучения отдаленного прошлого. Далее, материализм в обществоведении позволяет научно поставить вопрос о субъекте истории. Человек одновременно формируется внешними обстоятельствами и является своим собственным проектом, с незапамятных времен живет в мире отчуждения и неуклонно движется к его диалектическому снятию. Соответственно, исследования тенденций глобального и регионального развития должны избегать как фатализма, так и волюнтаризма. В частности, современные российско-немецкие отношения не допускают простого «отката назад» к довоенному уровню, однако это не означает, что их нынешнее состояние делает катастрофу неизбежной.

Российский эксперт А. В. Фененко вводит понятие русско-германской системы и прослеживает ее развитие с петровских реформ до Первой мировой войны. По сути, речь идет об особой этнополитической структуре, в рамках которой два культурных мира переплелись настолько тесно, что каждый представлял собой необходимый контекст для понимания другого. Вторая мировая война подвела черту под попытками реанимировать складывавшийся столетиями порядок вещей. «Вопрос о том, может ли эта система воскреснуть в будущем, пока остается дискуссионным. На сегодняшний день ответ на него скорее отрицательный. На данный мо-

мент этому мешают три фактора: отсутствие в России и Германии значимой немецкой и русской диаспор, особая роль Великой Отечественной войны в исторической памяти и европейский (точнее, атлантический) выбор Германии» [1]. Со многим в приведенной оценке можно согласиться. Действительно, геополитические потрясения XX в., включая «тотальные войны», обрекли на историческое забвение некоторые паттерны международного взаимодействия, бывшие привычным атрибутом Вестфальской и Венской моделей миропорядка. Ушли в прошлое традиционные династические соображения, приобрел новое значение национализм, требующий совпадения этнических и политических границ и продвигающий идеал монолитной нации, без культурно обособленных диаспор. Реалии «холодной войны» и постбиполярного мира отражали новые глобальные амбиции атлантизма, оставлявшие далеко позади геостратегические устремления Британской империи. С другой стороны, Организацию Варшавского договора, включавшую ГДР, можно рассматривать как превращенную форму или, по крайней мере, отдаленное эхо русско-германской системы. Сюда же можно отнести и экспансию немецкого капитала в новую Россию после 1991 г., создавшую материальную основу для «модернизационного партнерства» и особых отношений В. Путина и Г. Шредера. Когда евроатлантическое сообщество оказалось на грани раскола из-за иракской проблемы, институциональное оформление стратегического альянса Москвы и Берлина не казалось чем-то невероятным. Интересно, что А. В. Фененко уделяет внимание аналогичным моделям взаимодействия, говоря о другом историческом периоде: в межвоенную эпоху Коминтерн планировал западную экспансию, а немецкие империалисты надеялись на новый «натиск на восток» [1]. Понятно, что в советскую сферу влияния вошла только меньшая часть германского мира, а Берлин сегодня предпочитает экономические инструменты экспансии военно-политическим, однако это не отменяет упомянутых параллелей. Таким образом, спиралевидное развитие исторических процессов действительно допускает воспроизведение старых паттернов на новой конкретно-исторической почве. Разумеется, речь идет не о механическом копировании прошлого, а о его диалектическом снятии.

Оценка рассмотренной исторической концепции актуализирует вопрос об уровнях социального времени, занимавший важное место в построениях школы «Анналов». Ф. Бродель выделял «три типа времени: время большой длительности (*longue durée*) – период продолжительностью в столетие или более; циклическое (конъюнктурное) время (*conjoncture*) – диапазон от 10 до 50 лет; время событий (*event-history*), которое акцентирует внимание на реальных событиях сегодняшнего дня» [2, с. 150]. Анализ предлагаемой теории показывает, что в ней различные уровни темпоральности различаются как количественно, так и качественно. Формальный критерий, отсылающий к хронологии в ее сугубо числовом выражении, дополняется содержательным, основанным, по сути, на различении поверхностных и глубинных социальных структур. Здесь уже заложена по меньшей мере теоретическая возможность методологической непоследовательности: хронологические

рамки исторического экскурса могут отсылать к одному типу времени, а предлагаемые объяснительные модели – к другому. А. В. Фененко умело связывает конъюнктурное и событийное измерения российско-немецких отношений, в принципе допуская альтернативные интерпретации изучаемых явлений, предполагающие либо акцентирование одного из двух уровней анализа, либо их горизонтальное сопоставление.

Т. В. Бордачев более оптимистичен в своих прогнозах, касающихся «особых отношений» РФ и ФРГ. По его словам, «вялотекущей конкуренции между Россией и Германией, которая всегда характеризовала отношения обоих народов с французами и британцами, не было никогда. Отсюда следует вывод, что конфликт между Россией и Германией – явление случайное, вызванное особыми обстоятельствами, а сотрудничество представляет собой объективное требование их жизненных интересов» [3]. Специфика современной ситуации заключается, среди прочего, в том, что после «холодной войны» государство, находящееся за пределами Евразии, заняло доминирующее положение на «великой шахматной доске» [4, с. 12]. Иными словами, сегодня геополитика Старого Света постоянно модифицируется внешними факторами, поэтому ее нельзя исчерпывающе охарактеризовать исходя из текущих успехов и неудач евразийской дипломатии как таковой. С другой стороны, обострение проблем глобальной экономики все чаще заставляет государства мира сталкиваться в борьбе за ограниченные ресурсы, что закономерно приводит к разрыву старых связей и грозит своеобразным «переворачиванием альянсов». Вопреки, такая ситуация таит как вызовы, так и возможности, во-вторых, она не может сохраняться неопределенно долго. Соответственно, оптимизм эксперта имеет под собой серьезные основания: «мы не можем сказать, сколько продлится наступившее ухудшение отношений. Но в том, что на новом витке истории Россия и Германия опять встретятся и обязательно подружатся, особых сомнений у меня нет» [3].

Впрочем, и А. В. Фененко, озвучивший ряд достаточно скептических constataций по исследуемому вопросу, сделал в своем анализе известные оговорки: «Прогнозировать будущее сложно. Однако можно с уверенностью сказать: на протяжении веков «германская система» меняла свой географический ареал. Вполне возможно, что современная ее локализация – не последняя в истории, что может вновь изменить ее идентичность» [5]. Эксперт также признает, что кризис ЕС способен привести к ревизии международно-политической ориентации Германии [5].

Российский международник А. П. Соколов отмечает: «В долгосрочной перспективе устойчивость новых отношений между Россией и Германией будет зависеть от того, насколько новая конфигурация связей между государственными и негосударственными институтами двух стран будет носить равноправный и сбалансированный характер» [6]. По его мнению, как минимум, три фактора ограничивают глубину взаимного отчуждения. Германия сохраняет лидирующие позиции в ЕС, что неизбежно должно учитываться в российском внешнеполитическом плани-

ровании. Кроме того, немецкий бизнес сохраняет заинтересованность в двустороннем сотрудничестве и, соответственно, стремится по возможности обходить санкции и другие политически мотивированные ограничения. Наконец, немецкие политики и гражданское общество после начала Специальной военной операции повели себя осторожнее, чем, например, администрация Д. Байдена, что внушает надежду на ограничение ущерба, нанесенного российско-немецким связям [6]. Данные оценки были высказаны до подрыва «Северного потока-2» и последних пакетов немецкой военной помощи Украине, однако в большой степени они сохраняют актуальность и сегодня. Вообще необходимо отметить, что многие исторические развилики (точки бифуркации) становятся видимыми только ретроспективно, при этом гипноз свершившегося факта может рождать у исследователя ложное чувство изначальной предопределенности событий. Так, сегодня трудно допустить, что Первая мировая война могла бы оказаться столкновением совсем других коалиций, однако, например, Фашодский кризис, Бьеркская встреча и колеблющаяся позиция Италии заставляют признать, по крайней мере, теоретическую возможность альтернатив. Анализ последних может быть весьма продуктивным, подобно рассмотрению побочных вариантов в шахматах. Более того, несбывшееся в текущей реальности можно нетривиально осмыслить в рамках модели исторического континуума, что было сделано, в частности, С. Б. Переслегиным [7, с. 143-147].

Рассмотрение современных российско-немецких отношений в такого рода формализме дает весьма интересные результаты. Многие аналитики пишут, что их дальнейшее развитие не может быть полностью предопределено их текущим состоянием, и исторический опыт подтверждает данный вывод. Однако необходимость такого положения вещей можно объяснить по-разному. Концепции «больших циклов» объединяет одна исходная посылка: масштабные исторические явления детерминируются глубинными социальными механизмами, которые практически невозможно сломать, хотя внешняя упаковка тренда, конечно же, определяется множеством факторов, включая и субъективные, и случайные. Целенаправленные усилия политиков могут изменить темпы и формы развития событий, но не их суть. Альтернативная точка зрения представлена теорией сложных самоорганизующихся систем, которые время от времени проходят точки бифуркации, где минимальное воздействие на структуру нередко приводит к ее глобальным труднопредсказуемым трансформациям. Соответственно, политическое прогнозирование требует введения целой иерархии «диких карт» – событий, маловероятность которых с лихвой компенсируется их судьбоносным значением.

Два рассмотренных подхода предполагают различное понимание диалектики необходимости, возможности и случайности. В первом случае метафорой сценирования выступают шахматы, хотя бы теоретически допускающие исчерпывающий анализ любой данной позиции. Во втором уместнее вспомнить настольные игры наподобие «Монополии», в которых жесткие причинно-следственные связи и

необходимость тщательного планирования сочетаются с генератором случайных чисел (бросанием костей).

Существует и третья интерпретация событий, позволяющая подняться над краткосрочными пессимистическими прогнозами. Ее можно охарактеризовать как выход на метауровень. Всегда нужно считаться с вероятностью того, что изучаемые конкретно-исторические проблемы представляют собой атрибут той или иной эпохи и утратят актуальность с ее окончанием. Например, привычная национально-государственная логика приобрела наиболее зрелые формы в индустриальной фазе развития, а переход к когнитивному обществу должен выдвинуть на первый план совершенно иные ведущие формы социальной организации [7, с. 505-510].

Выстраивая сценарии развития российско-немецких отношений, можно найти точку опоры для каждой из рассмотренных концепций. Исторические ролевые модели (своеобразный межнациональный симбиоз, последовавший за петровскими реформами, те или иные альянсы XIX века) отчасти сохранили значение, в любом случае, их появление не менее закономерно, чем периоды конфликта и отчуждения в двусторонних отношениях. Влияние субъективных факторов на предмет исследования также нельзя отрицать (проанглийские настроения в семье Николая II, недостаточное внимание Москвы к донесениям Р. Зорге, дружба В. Путина и Г. Шредера). Не следует сбрасывать со счетов и элемент случайности. Так, диверсия на «Северном потоке-2» могла бы не произойти из-за ранней утечки информации о ее подготовке. Наконец, роль государства в современных международных отношениях нельзя рассматривать метафизически, она зависит от меняющихся конкретно-исторических факторов, которые могут как укреплять национальный суверенитет, так и способствовать его эрозии или переосмыслению. В некоторых футурологических моделях традиционная дипломатия и межгосударственные конфликты играют скорее периферийную роль, а главными акторами оказываются транснациональные корпорации, классы, цивилизации или даже те или иные локальные сообщества (коммуны).

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что сегодня структура и динамика российско-немецких отношений определяются разнонаправленными историческими силами. В событийном времени преобладают негативные факторы, делающие весьма вероятной дальнейшую деградацию двусторонних связей. Однако изучение долгосрочных тенденций показывает, что структурирование геополитического пространства «междуморья» возможно только за счет согласованных усилий двух стран. Кроме того, сегодня в Евразии существует менее десяти стран, которые заслуживают статуса геостратегических игроков по З. Бжезинскому. Если они не будут по умолчанию рассматривать друг друга как приемлемых партнеров и необходимые звенья трансконтинентальной системы безопасности, возникновение новых очагов военно-политической напряженности неизбежно еще больше destabilизирует Старый Свет. Проблема в том, что на его территории расположено множество геополитических центров, являющихся зонами проблемной государ-

ственности. Они обладают большими ресурсами, которые могут кратно увеличить мощь соседней великой державы, но неспособны контролировать и использовать их самостоятельно. Здесь существуют только два варианта развития событий. Либо полюса силы договарятся о правовом и стратегическом режиме таких серых зон и будут следовать соответствующим правилам поведения, либо передел сфер влияния будет происходить путем гибридных войн, что причинит всем участникам противостояния ущерб, несопоставимый с любыми возможными приобретениями. Значительная часть «междуморья» является зоной перманентной геостратегической турбулентности. Наряду с другими факторами, это заставляет заключить, что Россия и Германия не могут позволить себе новую «холодную войну», хотя в последние годы некоторые шаги западных стран увеличивали вероятность именно такого сценария. Ролевой моделью для обоих государств могут послужить некоторые дипломатические шаги Китайской Народной Республики. Несмотря на острый конфликт вокруг Тайваня, торговые войны и ухудшение мировой дипломатической конъюнктуры, Председатель КНР Си Цзиньпин продолжает говорить об архитектуре общей человеческой судьбы. Современная эпоха делает укрепление транснациональных политических и экономических связей неизбежным, и в выигрыше окажутся те страны, которые сумеют эффективно использовать их в своих интересах. Человечество не может вернуться к автаркии отдельных стран и регионов, оказавшись от углубления международной интеграции. Однако это отнюдь не оправдывает американский вариант глобализации или любую другую модель планетарного социума, в которой интересы одних стран обеспечиваются в ущерб другим. Чтобы предотвратить реализацию негативных прогнозов, нужно предпочесть новому «железному занавесу» активную включенность в международные процессы. Необходимость решения общечеловеческих проблем может послужить важным стимулом для улучшения российско-немецких отношений, пусть даже многие конкретно-исторические обстоятельства не внушают надежд на скорый успех данного проекта. Кроме того, актуальные глобальные вызовы неопровергимо свидетельствуют, что национализм и этатизм в их классических, зрелых формах – это порождения уже ушедшей эпохи модерна, а следование старым стратегиям в кардинально изменившихся условиях все реже оправдывает себя. Таким образом, наилучшие шансы имеют те государства, которые не рассматривают Вестфальский порядок как нечто самодовлеющее и естественное, а активно ищут площадки преадаптации, осваивают технологии завтрашнего дня, объективно оценивают судьбоносные тренды, находящиеся пока в зачаточном состоянии. Для внешней политики особую важность имеют публичная дипломатия, работа с идентичностями, управлеческие инновации и другие виды деятельности, которые в конечном счете невозможны без социального творчества масс, без конструктивной самоорганизации большинства населения. Таким образом, преобладание того или иного формата двусторонних отношений во многом определяется экзистенциальным выбором каждой из двух стран, их общественными институтами и ценностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фененко А. В. Взлет и падение русско-германской системы / А. В. Фененко // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vzlet-i-padenie-russko-germanskoy-sistemy/?phrase_id=90746973 (дата обращения: 18.05.2022).
2. Андрущенко М. А. Бродель vs Валлерстайн: к вопросу о темпоральном измерении политики (обзор) / М. А. Андрущенко // Политическая наука. – 2012. – № 4. – С. 148-161.
3. Бордачев Т. В. Особые отношения России и Германии не закончатся никогда / Т. В. Бордачев // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/osobyе-otnosheniya-rossii-i-germanii-ne-zakonchatsya-nikogda/?phrase_id=99689648 (дата обращения: 30.05.2023).
4. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы / З. Бжезинский. – М.: АСТ, 2014. – 702, [2] с.
5. Фененко А. В. Геополитика «немецкого вопроса» / А. В. Фененко // Российский совет по международным делам. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/geopolitika-nemetskogo-voprosa/> (дата обращения: 20.05.2022).
6. Соколов А. П. Ценности или иллюзии: будущее российско-германских отношений / А. П. Соколов // Россия в глобальной политике. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/czennosti-ili-illyuzii/> (дата обращения: 31.05.2023).

M. M. Kukhtin

(candidate of political sciences, Associate Professor)
University Donetsk State University
(Donetsk, Donetsk People's Republic, Russian Federation)

Email: mikhail-kukhtin@yandex.ru

**LARGE CYCLES OF RUSSIAN-GERMAN RELATIONS:
HISTORY AND MODERNITY**

Annotation. In the article, modern Russian-German relations are examined in the context of large historical cycles which both countries have undergone. It is concluded that, although the current situation has a number of unique features and marks deep geostrategic shifts, its structural contradictions allow for positive developments in the medium term. In the era of globalization, each individual link in the European political architecture influences the formulation and solution of world-historical issues, which ultimately makes cooperation between Moscow and Berlin unavoidable, although many of its key prerequisites have been purposefully destroyed in recent years by the collective West. From the methodological point of view, it turned out to be very productive to single out several levels of historical time, since it allows the researchers to abstract from conjuncture considerations and gives them new opportunities for verifying the proposed models. Accordingly, it makes sense to raise the issue of transferring the methods of the historical sciences to political research in a new way.

Key words: Russia, Germany, the Ukrainian crisis, globalization, historical time.